

Светало. Оконца под самым потолком *теплушки*¹ свестились тёмно-синим: в них уже можно было заметить пробегающие верхушки телеграфных столбов. Всё расплывалось, люди в вагоне казались враждебными и опасными.

Мать — в пуховом платке, закутанная в длинное пальто с поднятым воротником из цигейки, — лежала на узлах рядом с *тётёй Женей*, соседкой по коммунальной квартире в Ленинграде, а мальчик приткнулся у изголовья матери в углу.

Мужской голос в темноте произнёс, обращаясь, видимо, к *тётёе Жене*:

— Почему вы упрямитесь? Ваша подруга больна. В больнице её вылечат: и её, и будущего ребёнка... В эшелоне она просто умрёт. А что нам делать, если прямо сейчас начнутся роды?

— Вовсе она не подруга, попутчица — такая же, как вы. Она с мальчиком едет, ему уже десять, у него и спрашивайте, — ответила *тётя Женя*.

— Какая разница: с вами, с мальчиком — надо же что-то делать, — устало сказала женщина, сидящая неподалёку. — Температура, ходит под себя, мы здесь все задохнёмся... или тоже заболеем.

Мальчик вытащил из кармана варежку.

---

¹ *Теплушка* — отапливаемый товарный вагон, приспособленный для перевозки людей и животных.

— Нам обязательно нужно доехать, в Свердловске нас бабушка встретит,— в отчаянии бормотал он, торопливо растирая тёплую лужу на полу.— У мамы ещё и срок не вышел, а у бабули она братика родит. Отец поручил мне довести маму, сказал, закончит эвакуацию завода и приедет к нам. А как он нас найдёт, если не доедем? Завод отца даёт снаряды фронту, и надо поскорее вывезти его на Урал. Чтобы снаряды делать! А потом отец пойдёт на фронт бить фрицев.

Он продолжал ещё что-то говорить, объясняя незнакомым дядям и тётям, как важно им с матерью добраться до Свердловска, но сам уже понимал: на ближайшей остановке их непременно высадят.

Возможно, мать услышала его слова, что-то сказала и улыбнулась.

— Ты чего? — спросил сын удивлённо.

Мать была не в себе, смотрела в синеву окошка и пыталась напевать глухим охрипшим голосом: «Порой... ночной... мы распрощались с тобой...»

— Какой-то кошмар, что это за пение? — испуганно отозвался кто-то.

— Сами вы кошмар, послушали бы свой голос, — заступился мальчик за мать, но ему никто не ответил.

Он не спал всю ночь, но теперь, когда разговоры пассажиров стихли, взял в ладони горячую руку матери, закрыл глаза и сразу провалился в сон. Его слегка потряхивало и мягко ударяло спиной о дощатую стену вагона, но он этого уже не замечал.

***

Мальчику снился отец — высокий, крепкий, всегда гладко выбритый. Он был центром их блокадной жизни: рассказывал новости, доставал дрова, раздобыл где-то *буржуйку*² для кухни... Свою пайку, полученную в рабочей столовой: кашу, макароны, котлеты из жмыха, хряпы или солёных кишок, — приносил домой в солдатском котелке. Мама добавляла воды, получалось что-то среднее между первым и вторым — зато хватало всем, чтобы заполнить желудки. Отдавал семье выданный на работе хлеб: четыреста, а с октября — триста пятьдесят граммов в сутки.

---

² *Буржуйка* — временная небольшая железная печка для обогрева помещений и приготовления пищи.

Сын с мамой считались иждивенцами³ — у мамы уже заметный животик, с сентября она не работала — и получали только по двести.

Двести граммов хлеба — разве это норма для взрослого человека? Для подростка тоже очень мало.

Отец — заботливый, уверенный, сильный — приходил с работы, и всем становилось спокойнее.

В конце холодной осени сорок первого он сказал, что мальчику с матерью пора собираться, что продал немного водки и табака, купил им в дорогу хлеб и банку тушёнки.

Отец говорил твёрдо, но без нажима:

— Вот смотри: проездные документы до Свердловска, карточки, деньги — разберись в этом. Ты уже большой, а мама, сам знаешь, ей трудно приходится. Собирай в узлы тёплые вещи, я провожу до машины, а дальше сами. Там вас бабуля ждёт с маминими сёстрами. Довези маму в целостности и сохранности, никому не давай в обиду. А я, как отправляю завод, вслед за вами. Но мы там встретимся ненадолго, мне сразу на фронт. Так что ты остаешься единственным мужчиной в доме. На тебе все — и мама, и две тётки, и будущий братик. А пока — только мама с животиком. Всего-то! Понял? Не подведи меня! Я уверен, Максим, на тебя можно положиться.

У отца горячие глаза и тёплые руки.

Он никогда не целовал сына. И в этот раз тоже, лишь обнял и прижал к себе. От отца пахло домом и табаком.

— Мы останемся с тобой, — сказал мальчик, зарылся в свитер на его груди и заплакал.

---

³ Иждивенец — человек, который не работает и находится на содержании других людей или государства.

Отец заиграл желваками.

— Всё равно мне придётся уехать из Ленинграда, буду сопровождать завод, — ответил он. — Вам лучше сейчас, пока есть возможность. С каждым днём выживать здесь всё труднее. А маме скоро рожать... Не стесняйся слёз, сына, поплакать перед расставанием — не стыдно. Я знаю, ты сильный парень, с характером, — справишься.

Во сне Максим тоже заплакал, а отец сказал: «Я знаю, ты сильный, ты справишься». Мальчику хотелось вернуть это видение, чтобы ещё раз услышать родной голос. Сон оказался послушным, повторился несколько раз. Отец во сне добавлял: «Останешься мужчиной в доме». То ли «останешься», то ли «остаёшься»... Слёзы на щеках мальчика постепенно высохли. Раз отец верит в него, всё будет хорошо!

А ещё снились смазанные недобрые лица попутчиков. Они бежали по кругу — всё быстрее и быстрее, — что-то беззвучно говорили ему, а потом внезапно исчезли. Вместо них появилось злое лицо Вовки Шушарина.

Три года назад Максим был совсем крошкой, несмышлёнышем. Родители собрали ему в школу портфель, тетради, ручку, чернильницу. На первом же уроке потребовались цветные карандаши, которых в портфеле не оказалось. Видимо, родителям не сказали. Максим подумал, что они с соседом могли бы по очереди пользоваться разными цветами, и попросил у Вовки пару карандашей, но тот локтем прикрыл картонную упаковку, прижал к себе и враждебно посмотрел на него.

С Шушариным дружки не получилось. Их вскоре рассадили, но осталось удивление — сам-то он обязательно по-

мог бы соседу, будь у него карандаши. Это же не насовсем — на время. Советский — значит нежадный!

Мальчик проснулся от чужого прикосновения к щеке.

Поезд стоит.

Дверь вагона открыта.

Мама рядом нет.

***

Максим помнил, как они переехали с Моховой на Литейный, 30, — отец получил большую, почти тридцатиметровую комнату в двухкомнатной квартире. У них была теперь только одна соседская семья: *тётя Женя*, *дядя Петя*, снабженец в строительном тресте, и их взрослый сын Толя.

Это было летом, а осенью Максим стал первоклассником. Мама несколько раз проводила его до школы на Пестеля, показала, как переходить улицу.

— Смотри мне в глаза, Максимка, — говорила она. — Подошёл к переходу, остановился... что надо сделать?

— Посмотреть налево.

— Что дальше?

— Дойти до середины, посмотреть направо.

Маленький Максим — и большой, пугающий размерами и звуками город.

Началась его новая, почти взрослая жизнь. После школы он возвращался по Литейному домой, переодевался. Доставал продукты — хлеб, масло, колбасу, яйца, молоко, — хранившиеся в авоське на форточке за окном. Есть хотелось, но стряпать, кашеварить — лень. Максим ограничивался бутербродами или готовил на скорую руку упрощённый вариант *гоголь-моголя*: выливал в кружку

два сырых яйца, крошил кусок батона, солил, добавлял немного молока, перемешивал... И пожалуйста — фокус-покус! — вкуснейший перекус готов!

Осенью и зимой у него появилась новая обязанность — топить круглую печь, обшитую гофрированным железом.

Дрова семьи хранились в подвале во втором дворе, рядом — поленницы соседей, никто не отгораживал их друг от друга. Максим приходил с тяжёлым топором и там же, в подвале, колол сухие чурбаки, складывал дрова в холщовый мешок и на плече нёс домой. Лестница крутая, потолки в квартирах высокие — мальчишке непросто приходилось, но к третьему классу он вырос, окреп, мешок загружал уже полностью и лихо взлетал с поклажей на свой четвёртый этаж.

Из довоенных впечатлений Максиму больше всего почему-то запомнились их воскресные семейные завтраки: селёдка в масле с репчатым луком и варёная картошка.

Всё было прекрасно, страна пела бодрые песни о мире («Наш паровоз вперёд летит», «Утро красит нежным светом»), но в Ленинграде с тревогой поговаривали о войне — возможно, под впечатлением недавно закончившейся Финской кампании.

Родители тем не менее уверенно смотрели в будущее, и в мае сорок первого папа сказал, что мама в положении, а в конце декабря у Максима появится брат Сашка.

***

По данным Госметеослужбы, 22 июня 1941 года в Ленинграде температура воздуха ночью составила +11,3 градуса, а днём поднялась до +19. Осадков не наблюдалось.

Война грянула внезапно. Сосед Толя получил повестку в военкомат, дядю Петю отправили на переподготовку. Немцы приближались. Началась эвакуация⁴ предприятий, театров, военных училищ Ленинграда.

Эвакуация — это слово поначалу давалось Максиму с трудом, а про военные училища и театры он уже раньше слышал.

Война не укладывалась в его голове. Они с ребятами во дворе играли в *войнушку*, где всё понарошку. Это всегда казалось просто забавой, а тут...

---

⁴ Эвакуация — перемещение людей в безопасные районы.

Как-то в последних числах июня отец рано вернулся с работы и сказал сыну, что они вместе пойдут в магазин на Литейном — тот, что за улицей Некрасова.

По дороге мальчик узнал о предстоящей командировке отца: он будет сопровождать до Урала эшелон, на котором вывозят станки, а сейчас Максим поможет ему донести продуктовые сетки.

В магазине отец попросил десять буханок хлеба. Продавец насторожился, долго выяснял, зачем столько, рассматривал командировочное удостоверение, позвал ещё кого-то, а потом отпустил-таки хлеб.

Тогда в Ленинграде уже ограничивали продукты. Однако у большинства сверстников Максима, да и у взрослых соседей и знакомых сохранялось стойкое ощущение, что война ещё далеко, война их не коснётся... Понимание приходило постепенно.

На улицах появились дружинники⁵ с красными повязками. Они следили, чтобы не было паники, чтобы сохранялась видимость нормальной жизни, помогали милиции поддерживать порядок.

Город притих, словно кот, прижавший уши.

Конец июля. *Юнкеры*⁶ ещё не успели долететь до Ленинграда.

Отец приехал из поездки контуженным — поезд, на котором он возвращался домой, попал под бомбёжку в районе Мги. Отец успел выскочить из вагона, но его сшибло взрывной волной и засыпало землёй.

---

⁵ Дружинник — человек из народной организации, которая помогает милиции следить за порядком.

⁶ *Юнкерс* — марка немецкого военного самолёта.

Наступила ночь, рядом никого живого, железнодорожный персонал для восстановления путей так и не появился. Утром мимо проходили мужчина и женщина, услышали его слабый голос и откопали.

Голова кружилась, тошнило. Немного придя в себя, отец вернулся в свой вагон, взял документы, вещи и, преодолевая слабость, пешком направился к следующей станции. Он ещё не знал, что немцы перерезали железную дорогу и его поезд оказался последним. Через некоторое время отца, шагающего с чемоданом по шпалам, остановил красноармейский дозор и препроводил в штаб. Перед тем как отпустить, его долго проверял суровый особист⁷ в фуражке с синим околышем и стальными зрачками.

Война оказалась вовсе не весёлой игрой, она вползала в судьбы и семьи.

Старшеклассников из школы Максима, соседей по двору (Алика из квартиры напротив, вихрастого Степана, задиравшего подол девчонкам) и ребят из офицерского общежития на Артиллерийской — всех, кому исполнилось шестнадцать, — отправили на строительство оборонительных сооружений на Лужском рубеже, под Гатчиной и Колпино.

Максим со сверстниками надолго уходил на станцию Рыбацкое — *на Сахалин*, как они говорили, — встречать и провожать воинские поезда. Пока всё казалось им развлечением, будто в книге с приключениями или в рассказах Гайдара про Мальчиша-Кибальчиша.

Только вот, в отличие от рассказов Гайдара, сразу после начала войны объявили об обязательной светомас-

---

⁷ Особист — сотрудник особого отдела военной контрразведки.

кировке: в городе не должно быть светящихся окон, на ночной улице — фонарей. Всё могло стать сигналом и мишенью для вражеской авиации. Максим удивлялся: немецкие самолёты никогда не доберутся до Ленинграда — зачем тогда нужна светомаскировка?

Его родители тоже считали, что война не дойдёт до города. «Броня крепка, и танки наши быстры!» — нет нужды паниковать. И мама будет рожать дома.

В августе родителям сообщили, что школа у Преображенской церкви, в которой Максим отучился три класса, работать не будет.

Число школ в городе сократилось: теперь не всем его ровесникам удавалось до них добраться. С осени начались перебои с продуктами. В домах не было тепла,

освещения, воду тоже перестали подавать. Жители экономили силы — старались меньше двигаться.

В ночь с 6 на 7 сентября — первый авианалёт. Взрывы на Невском были слышны у них дома, а утром о бомбёжке сообщили по радио.

Максим понял: игры закончились!

Чуть позже в город пришли артобстрелы, и после этого с каждым днём немецкие удары усиливались.

Семнадцатого сентября обстрел продолжался более восемнадцати часов, в тот же день к Ленинграду прорвалось почти триста бомбардировщиков. Дома сотрясались от бомбовых и артиллерийских ударов, в окнах отражались отблески пожаров. Максиму кто-то рассказал, что с крыши дома на Фонтанке у Летнего сада было видно, как за Невой, в районе Кировского моста, горит зоопарк — слышались крики погибающих в огне зверей. Пожар в джунглях — об этом он читал у Киплинга. Но это не джунгли, это родной город...

Каждое утро отец уходил на завод — весь город работал на оборону.

На оборону работала и Зина, любимая мамина племянница, дочь ещё одной тётки Максима, жившей на улице Разъезжей.

В начале войны Зину с группой учащихся техникума отправили на рытьё окопов в район Шимска и Сольцов, с тех пор они не виделись. Однажды вечером она пришла к ним на Литейный — исхудавшая, в грязной порванной одежде — и рассказала, как ей чудом удалось вырваться из прифронтовой зоны на Лужском рубеже.